

— Никогда тебѣ не убѣдить ее,—сказала сестра, положивъ руку на его руку и жалобно заглядывая ему въ лицо.

— Не убѣдить? Ты рѣшительно утверждаешь, что мнѣ ее не убѣдить?—На это она только покачала головой.—Почему ты говоришь такъ положительно?

— Она могла сказать мнѣ вещи, которыя едва ли могла сказать тебѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она могла сказать мнѣ вещи, которыя я едва ли могу повторить тебѣ. О, Джонъ, повѣрь, повѣрь мнѣ. Ты долженъ отказаться отъ этой мысли. Маріонъ Фай никогда не будетъ твоей женой.—Онъ сбросилъ съ себя ея руку и сурово нахмурился.—Неужели ты думаешь, что я не пожелала бы имѣть ее сестрой, еслибъ это было возможно? Неужели ты не вѣришь, что я также люблю ее? Кто можетъ не полюбить ее?

Онъ конечно зналъ, что она не можетъ чувствовать тоже, что чувствуетъ онъ. Что такое всякая другая любовь, всякая другая грусть, въ сравненіи съ его любовью, съ его грустью?

На другой день онъ былъ въ Лондонѣ и, въ обществѣ квакера, рассказывалъ взадъ и впередъ по Бродъ-Стритъ передъ входной дверью въ контору Погсона и Литтльберда.

— Дорогой другъ мой,—говорилъ квакеръ,—я не утверждаю, что этого никогда не будетъ. Это въ рукахъ Всемогущаго.—Гэмпстедъ нетерпѣливо потрясъ головой.

— Вы не сомнѣваетесь во власти Всемогущаго блюсти свои созданія? Мнѣ кажется, что если человекъ чегонибудь желаетъ, онъ долженъ этого добиваться.

Квакеръ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.—Въ обыкновенныхъ, житейскихъ дѣлахъ это хорошее правило, милордъ.

— Оно всегда хорошо. Вы говорите мнѣ о Всемогущемъ. Чтожъ, Всемогущій дастъ мнѣ любимую дѣвушку, если я буду смиренно сидѣть и молчать? Не долженъ ли я добиваться этого, какъ и всего остального?

— Что же я-то могу сдѣлать, лордъ Гэмпстедъ?

— Согласиться со мной, что для нея же было бы лучше рѣшиться. Признать, какъ признаю я, что ей не слѣдуетъ считать себя обреченной. Еслибъ вы, отецъ ея, ей приказали, она бы послушалась.

— Не знаю.

— Можете попытаться, если вы со мной согласны. Вы отецъ ея, она вамъ покорна. Вы не находите, что ей бы слѣдовало?...